

К. В. САЛЬНИКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Территория лесного Зауралья, от г. Нижнего Тагила на севере до г. Чебаркуля на юге, обычно рассматривается как место обитания в эпоху неолита и бронзы племен единой культуры—шигирской (по Дмитриеву, 1951), горбуновской (по Раушенбах, 1956) или дмитриевской (по Кипарисовой, 1960). Горбуновская культура (и в дальнейшем мы будем пользоваться термином, предложенным В. М. Раушенбах) дожила до порога железного века, когда была сменена пришлыми племенами, знакомыми с обработкой железа (Раушенбах, 1956, стр. 66; Кипарисова, 1960, стр. 24). Однако все исследователи отмечают, что в эпоху бронзы на памятниках горбуновской культуры, в частности в керамике, появляется небольшая примесь фрагментов посуды с андроновскими чертами. В. М. Раушенбах объясняет наличие их только взаимосвязями племен в виде обмена, экзогамных браков и т. п. (1956, стр. 29). Этим исследователем подмечено, что на стоянках под Свердловском (Калмацкий брод) андроновские черты на керамике выражены в более чистом виде, чем на памятниках под Нижним Тагилом. И это различие ставится в прямую зависимость от расстояния, отделяющего горбуновские племена от андроновской территории (1956, стр. 40). Отмечая, что влияние андроновской культуры на горбуновскую нарастает, выступает ярче на памятниках позднего этапа (1956, стр. 55), В. М. Раушенбах все же считает, что горбуновские племена донесли свою самобытную культуру до первых веков I тысячелетия до н. э., когда они были ассимилированы пришлыми племенами (1956, стр. 66).

В отличие от В. М. Раушенбах, которая видит лишь влияние андроновских племен на горбуновскую культуру, О. Н. Бадер допускает продвижение скотоводческих племен андроновской культуры вглубь тайги, вплоть до Нижнего Тагила (Бадер, 1947). Близкими к мнению О. Н. Бадера являются взгляды А. Я. Брюсова (1952, стр. 163), Н. П. Кипарисовой (1960, стр. 23) и ряда других авторов.

И ранее авторы, изучавшие памятники лесной полосы Зауралья,

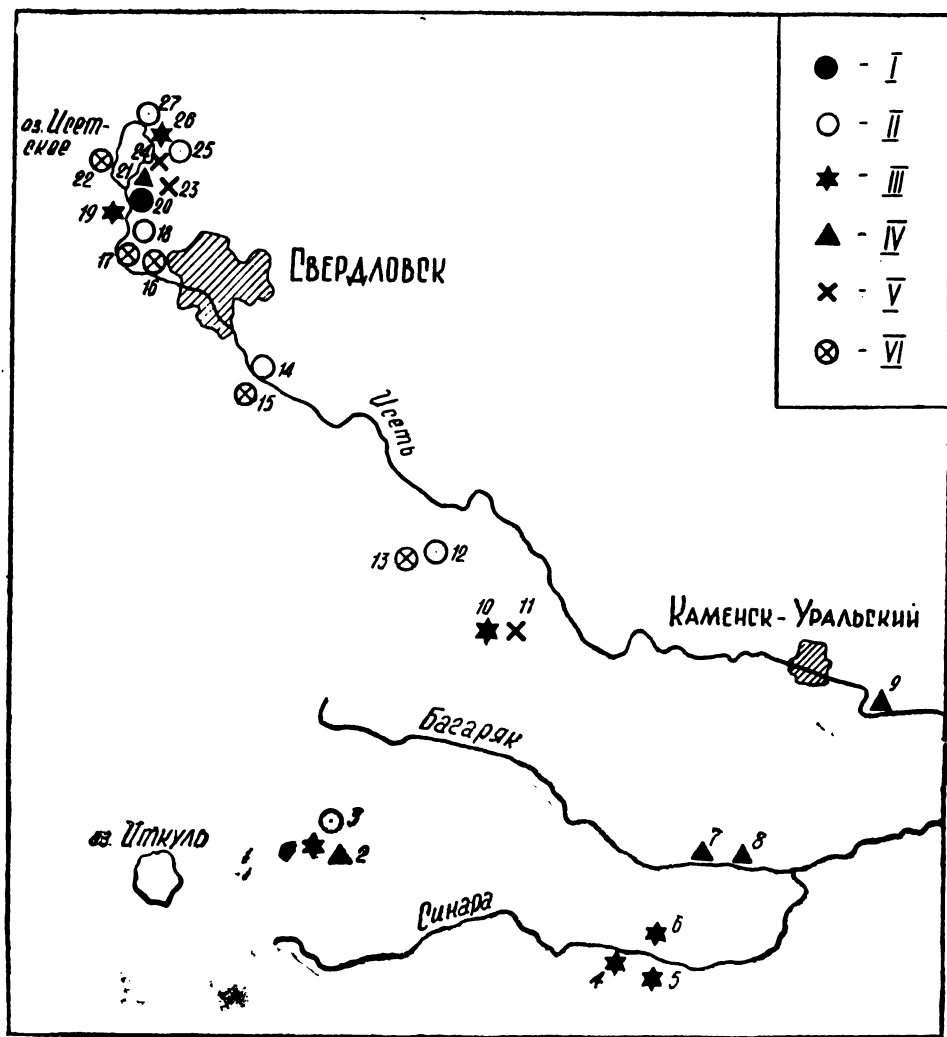

Рис. 1. Карта памятников эпохи бронзы лесного Зауралья: 1, 2, 3 — Черкаскуль II; 4 — Чесноковские пашни; 5 — Третья дашня; 6 — оз. Кривое; 7 — Межовское; 8 — Колпаковское; 9 — Лужки; 10—11 — оз. Березовое; 12, 13 — 2-е Карасье озеро; 14—15 — 1-е Карасье озеро; 16 — Палкино; 17 — Комарова пашня; 18 — Макуша; 19 — Новая III; 20 — Коптяки 5; 22 — Шанаиха (верхний слой); 23, 25 — Коптяки 2; 24 — Коптяки 1; 26 — Малевка; 27 — Коптяки 9. I — поселения коптяковского типа; II — пункты находок коптяковской керамики; III — поселения черкаскульского этапа; IV — поселения межовского этапа; V — поселения березовского этапа; VI — поселения позднего этапа горбуновской культуры.

обращали внимание, что «андроновская» керамика, встречающаяся на них, обладает отличиями от собственно андроновской посуды. Д. Н. Эдинг на керамике со стоянок Горбуновского торфяника усматривает «часть измененные мотивы андроновского орнамента» (1940, стр. 15—17).

В. М. Раушенбах, изучая керамику стоянок Калмацкий брод и Палкинская, пришла к выводу, что элементы орнамента на сосудах этих памятников «не вполне совпадают с элементами орнамента андроновских сосудов» (1952, стр. 66). Нам также приходилось отмечать некоторые особенности в орнаменте керамики андроновского облика южной полосы лесного Зауралья (Сальников, 1951, стр. 127). Однако до сих пор этот вопрос не являлся еще предметом специального исследования.

В северной лесостепи и прилегающих районах леса за последние годы выявилась группа памятников, где керамика андроновского типа выступает не в качестве примеси к посуде горбуновской или дмитриевской культуры, а является основным комплексом. Кроме того, материал таких же памятников был обнаружен в фондах Свердловского Краеведческого музея, среди открытых еще в дооктябрьское время. Дальнейшее изучение бронзового века Зауралья невозможно без учета этой группы памятников.

Автор в настоящей статье ставит перед собой скромную задачу — дать классификацию керамики лесного Зауралья, сходную с андроновской («лесного андрона»), и попытаться выяснить ее место в культуре бронзового века.

Нам представляется, что в настоящее время можно выделить в этом районе четыре типа керамики андроновского облика: коптяковский, черкаскульский, межовский и березовский (рис. 1).

Коптяковский тип керамики. В наиболее чистом виде и в большем количестве керамика коптяковского типа представлена на поселении Коптяки. Б, находящемся на берегу Исетского озера. Исследованиями Н. А. Рыжникова и О. Е. Клера на поселении обнаружены горн для плавки меди, обломки большого тигля, керамика, каменные орудия (Берс, 1951, стр. 208). В коллекции с этого памятника, хранящейся в Свердловском музее, числится 1386 фрагментов керамики. Небольшое количество их принадлежит сосудам неолитического и каменногорского типа, а подавляющее большинство относится к эпохе бронзы. Три группы разновременной керамики свидетельствуют о трехкратном заселении памятника. Мы остановимся на рассмотрении керамики эпохи бронзы (рис. 2). Это плоскодонные сосуды горшковидной формы с прямыми или несколько отогнутым горлом, которое переходит в плечики через мягкий уступ или ребро. Венчик сосуда обычно уплощенный, а не округлый, как у андроновской посуды. Часто венчик имеет небольшое утолщение по внешнему краю в виде выступа. Нижняя часть стенки горла нередко значительно тоньше, чем верхняя. Орнамент покрывает иногда всю поверхность сосуда. Нанесен он преимущественно требенчатым штампом, но не с мелкими зубчиками, как на андронов-

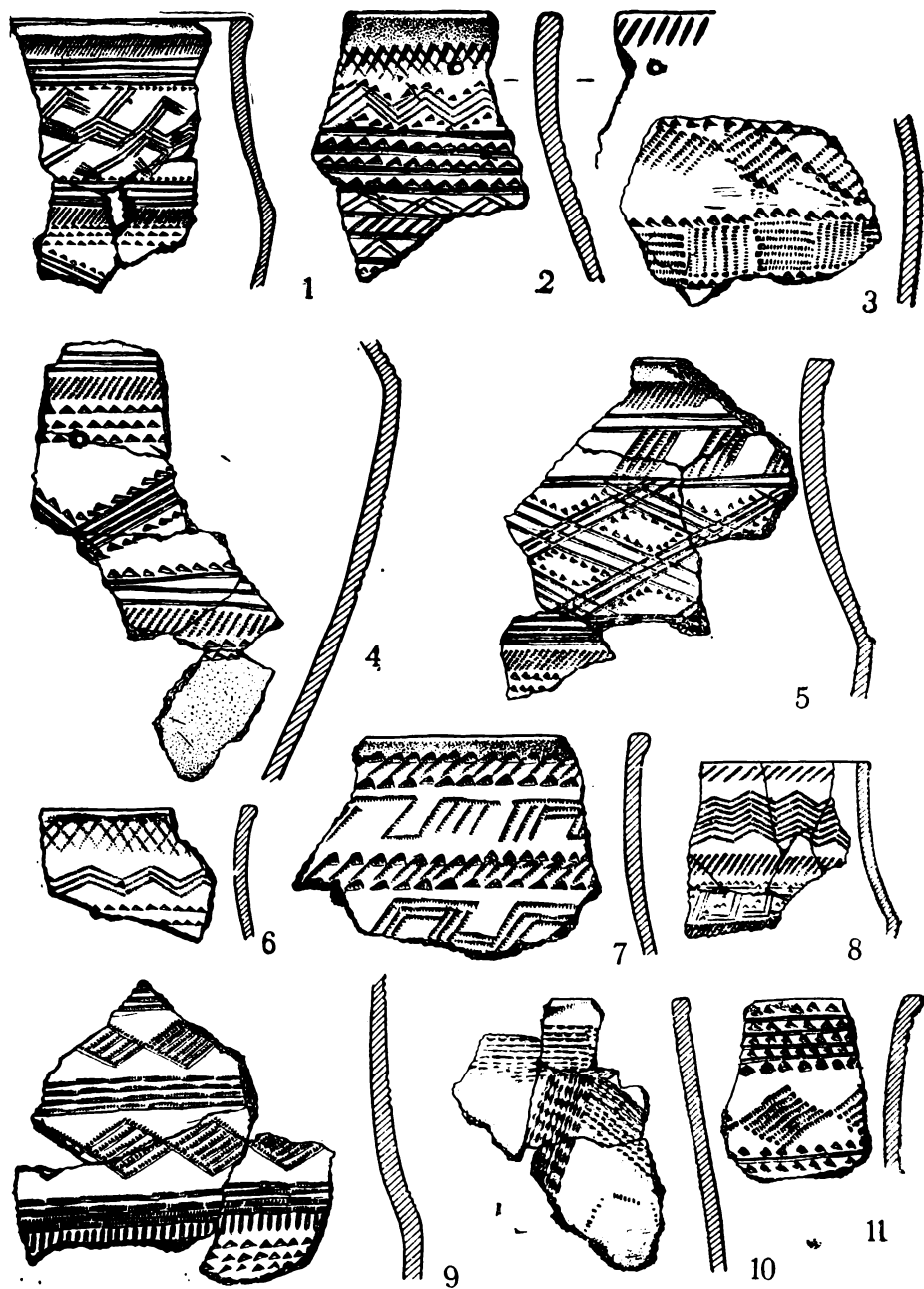

Рис. 2. Керамика коптяковского типа. Поселение Коптяки 5.

ской керамике федоровского типа, а с зубчиками средней величины. Орнаментальное поле сплошь заполнено рисунком, который состоит из ряда зон, нередко повторяющихся. Очень распространены зигзаги из нескольких рядов оттисков гребенки (рис. 2—2, 8) и «уголки», оттиснутые углом гребенчатого штампа (рис. 2—2, 4, 7).

Иногда «уголки» располагаются в несколько рядов или обрамляют другие фигуры. Много поясков из вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 2—1, 4, 5, 8, 9). Встречаются ромбы, составленные из параллельных оттисков гребенки, без обрамления (рис. 2—3, 11). Из более редких элементов орнамента надо указать на меандр (рис. 2—1), зет, ромбическую сетку (рис. 2—6).

Наравне с гребенчатым штампом, для орнаментации тех же сосудов использовался прием прочерчивания острием горизонтальных поясков, которые разделяли орнаментальные зоны. Часто резьбой наносились зигзаги из очень длинных полос или, реже, сетки (рис. 2—4, 5).

Форма сосудов и элементы, входящие в состав орнамента, на первый взгляд напоминают андроновскую керамику. Но это далеко не так. При внимательном рассмотрении керамики с поселения Коптяки 5 нетрудно убедиться, что в орнаментации ее преобладают элементы, которые или совсем не встречаются на сосудах эпохи бронзы степной полосы, или чрезвычайно там редки. Таковы пояски из наклонных и вертикальных оттисков, ромбы без рамки, зигзаги и сетка из длинных полос. Даже такие типичные для андроновской посуды элементы, как, например, «уголки», меандры здесь представлены в иной композиции. На андроновских сосудах «уголки» никогда не располагаются полосами в несколько рядов, а только, в редких случаях, обрамляют рисунок. Меандровые узоры на сосудах из стоянки Коптяки 5 часто не имеют той выдержанности формы, которая типична для андроновских сосудов. На последних не встречается сочетание гребенчатого и резного орнамента. Такая обычная для андроновской керамики фигура, как треугольник, на керамике поселения Коптяки 5 встречается крайне редко, только в форме прямоугольного или близкого к федоровским «косым», но никогда не равнобедренного. Отличается керамика этого памятника и от сосудов территориально близкой, сузгунской культуры. На коптяковских сосудах нет характерных для Сузгуна круглых ямок, треугольников, заштрихованных ленточных зигзагов, елочки. Общими для этих памятников в орнаментации являются лишь пояски из вертикальных оттисков и ряды «уголков». Форма коптяковских сосудов также отлична от сузгунских наличием ребра на плечиках, более высоким горлом, присутствием выступа на венчике.

Следует обратить внимание, что ряд элементов, занимающих значительное место в узоре на сосудах стоянки Коптяки 5, имеет глубокие местные корни. Вертикальные и наклонные оттиски гребенки, зигзаговые линии, ромбы — частое явление в орнаменте посуды среднего этапа горбуновской культуры (Раушенбах, 1956, стр. 32, рис. 9—8, 9, 14, 11—9, 13). Эти элементы появляются в лесном Зауралье еще в неолите (Кипарисова, 1960). Чередующаяся зональность узора—арха-

ическое явление, типичное для неолита и энеолита. Наконец, среди обломков энеолитических сосудов на поселении Коптяки 5 имеются фрагменты двух прямостенных сосудов с сужающимся верхом, орнаментированным методом отступающей гребенки и типичным для энеолита штриховым заглаживанием внутренней поверхности (рис. 2—10). Форма сосудов, способ обработки поверхности и нанесения орнамента — архаичны. Однако горизонтально срезанный венчик, выступ его наружу и узор орнамента в виде зигзага из длинных полос — весьма обычные приемы оформления керамики коптяковского типа. Аналогичная энеолитическая посуда имеется среди керамики со стоянки Новая 2 (Свердловский музей, раскопки Е. М. Берс).

Так намечается генетическая преемственность между энеолитом лесного Зауралья и памятниками типа Коптяки 5.

Плавильный горн и тигли, форма сосудов, обнаруженные на поселении Коптяки 5, позволяют уверенно отнести этот памятник к эпохе бронзы. Интересна находка ложила из астрагала овцы. Такие изделия обычны на памятниках эпохи бронзы на севере лесостепного Зауралья.

Коптяковская керамика наравне с другими типами входит в состав коллекций с поселений: Коптяки 2, Коптяки 9, 2-е Карасье озеро (коллекция Свердловского музея), Макуша (Берс, 1954, рис. на стр. 40—41; 1961, табл. 4), Черкаскуль II (раскопки автора в 1956 г.), Разбойничий остров (Раушенбах, 1962, рис. 20—18—20). Почти все эти памятники расположены в районе Свердловска. Наиболее удалено селище Черкаскуль II и на нем коптяковская керамика представлена всего несколькими фрагментами. Таким образом, в лесном Зауралье выявляется своеобразная керамика, которую следует именовать керамикой коптяковского типа. Те связи с местным энеолитом, которые отмечены были выше, заставляют датировать поселение Коптяки 5 более ранним временем, чем андроновидные памятники лесного Зауралья, которые характеризуются керамикой, близкой к сосудам федоровской стадии степной бронзы. Абсолютная дата поселения Коптяки 5 не выйдет за пределы середины II тыс. до н. э. Коптяковская керамика могла возникнуть в конце первой половины этого тысячелетия. Ее появление не нужно связывать ни с проникновением, ни с влиянием андроновской культуры. Она возникла в лесном Зауралье самостоятельно, в процессе развития местной культуры предшествующего времени. Многочисленные аналогии в орнаментальных узорах коптяковской и энеолитической местной керамики говорят за генетическую зависимость между ними.

Весьма любопытен сосуд коптяковского типа с острова Макуша, в состав орнамента которого входят фигуры водоплавающих птиц, столь характерные для лесной зауральской керамики и абсолютно чуждые андроновской посуде. Плоское дно другого сосуда того же типа, по наблюдению Е. М. Берс, «было образовано путем примазывания кругового жгута к сплюсненному острому днищу» (1954, стр. 40, 41). В. М. Раушенбах отмечает андроновидные элементы орнамента на сосудах не только плоскодонных, но и с округлым дном, местной фор-

мы (1956, стр. 35). Следовательно, намечается развитие и формы сосудов на местной почве.

Черкаскульский тип керамики. Наиболее полно керамика этого типа представлена на селище Черкаскуль II, исследованном нами в 1956 г. Расположено оно на берегу одноименного озера в Каслинском районе Челябинской области, в нескольких километрах от границы Свердловской области.

На памятнике нами вскрыто 216 кв. м. Обнаружены: большой зольник, 53 ямки от столбов, свидетельствующие, очевидно, о существовании наземных жилых сооружений, и две ямы-погребка диаметром 2,40 и 1,70 м, в которых на глубине 0,80 м выступила вода. Культурный слой залегал непосредственно под дерном, доходя до глубины 0,60 м. Он содержал, преимущественно, керамику, относящуюся к трем эпохам: энеолиту (12 сосудов), раннему железу (6 сосудов) и бронзе (102 сосуда). Энеолитический комплекс представлен керамикой того типа, который характерен для южной полосы лесного Зауралья и может быть датирован первой половиной II тысячелетия до н. э. К раннему железному веку относятся обломки посуды каменогорского типа.

Основную массу керамики селища составляют фрагменты горшечной формы сосудов эпохи бронзы, близкой к посуде андроновских памятников. Орнамент покрывает только верхнюю половину сосудов и нанесен гребенчатым или гладким штампом и резьбой острием. На единичных сосудах имеются оттиски веревочки.

Посуда селища отражает существование на нем жизни на ряде этапов бронзового века, но наиболее многочисленны два типа керамики: черкаскульский (желобчатый) и межовский (валиковый). Остальные виды представлены небольшим количеством сосудов.

Для черкаскульской посуды характерно наличие широких желобков, расположенных обычно рядами на горле (рис. 3). У большинства сосудов желобки дополняются вдоль самого края рядом резных зигзагов (рис. 3—1) или пояском из насечек (рис. 3—9). Под зигзагами иногда расположены заштрихованные фестоны, близкие к равнобедренным треугольникам (рис. 3—2). На плечики орнамент переходит также через ряд фестонов (рис. 3—6) или насечек; последних бывает и по несколько рядов. На немногих сосудах между желобками находится ряд наклонных оттисков гладкого штампа или ряд насечек. Еще реже между желобками встречаются «острые», треугольные в разрезе, валики (рис. 3—1) или, наоборот, весьма плоские валики (рис. 3—7). В последнем случае они покрыты гребенчатой елочкой. Обе разновидности валиков, ограниченные и сверху и снизу глубокими желобками, несомненно являются результатом подправки выступившей при нанесении желобков глины, а не сделаны преднамеренно. На плечиках сосудов нередок меандр, почти всегда резной и с поперечной штриховкой (рис. 3—1, 2, 4—6), иногда он состоит из продольных гребенчатых оттисков.

Не менее характерным, чем наличие рядов желобков на горле, для

50% обломков сосудов черкаскульского типа является присутствие желобков между полосами меандров (рис. 3—4, 5.). Они строго следуют за изгибами меандра. В редких случаях желобки служат границей заштрихованных поперек полос меандра, но чаще этой служебной роли они не несут. Обычно полосы ограничены резными линиями, а желобки сделаны вслед за нанесением меандра, иногда смазывая границы последнего.

Присутствием желобков и меандров в орнаменте черкаскульская керамика весьма близка к федоровскому типу андроновской посуды. В форме сосудов также не замечается серьезных отличий. И все же эти две разновидности керамики легко различимы. На федоровских сосудах решительно преобладают нанесение орнамента гребенчатым штампом и формовка полос меандров продольными оттисками штампа. Для них весьма обычны также характерные федоровские «косые» треугольники. Желобки на сосудах федоровского этапа присутствуют далеко не всегда и играют подчиненную роль по отношению к нарядному гребенчатому орнаменту (ср. Сальников, 1952, стр. 115, рис. 6—1). Или, наоборот, весь сосуд покрыт (горло и плечики) только многими рядами желобков (Сальников, 1952, рис. 6—2). Никогда на федоровской керамике не встречается сочетание рядов желобков на горле с меандром на плечиках, также как не характерны желобки между полос меандра.

На черкаскульской посуде совсем нет такого выразительного федоровского элемента, как «косые» треугольники, да, впрочем, треугольники и других видов здесь редкое явление. Их заменяют иногда заштрихованные фестоны. Преобладание резного орнамента и поперечной штриховки полос меандра отличают черкаскульскую керамику от федоровской.

В черкаскульской керамике, не в той степени, как в коптяковской, но все же наблюдаются в орнаменте элементы, характерные для лесного энеолита, что нами уже отмечалось (Сальников, 1951, стр. 127). Таковы не встречающиеся на андроновской керамике или не характерные для нее: заштрихованные фестоны, полоса тщательно нанесенной ромбической сетки, широкие желобки, незаштрихованные и концентрические ромбы. Изредка встречается орнаментальная полоса вдоль внутреннего края сосуда и бахромка по нижнему краю орнаментальной зоны. Сюда же надо причислить ряды наклонных нарезок, собранных в группы по 3—5 линий с интервалами между группами (рис. 3—8, 12).

Все эти особенности, отличающие черкаскульскую керамику от федоровской, находят себе аналогии в орнаментации посуды местных племен предшествующего времени. Следовательно, лесные племена внесли значительный вклад при сложении черкаскульской керамики.

Можно указать ряд памятников, на которых черкаскульская керамика количественно господствует. В коллекции с селища Чесноковская пашня на р. Синаре (Свердловский музей, сборы В. Я. Толмачева) из 280 крупных орнаментированных фрагментов керамики лишь несколько экземпляров носят черты классического федоровского орна-

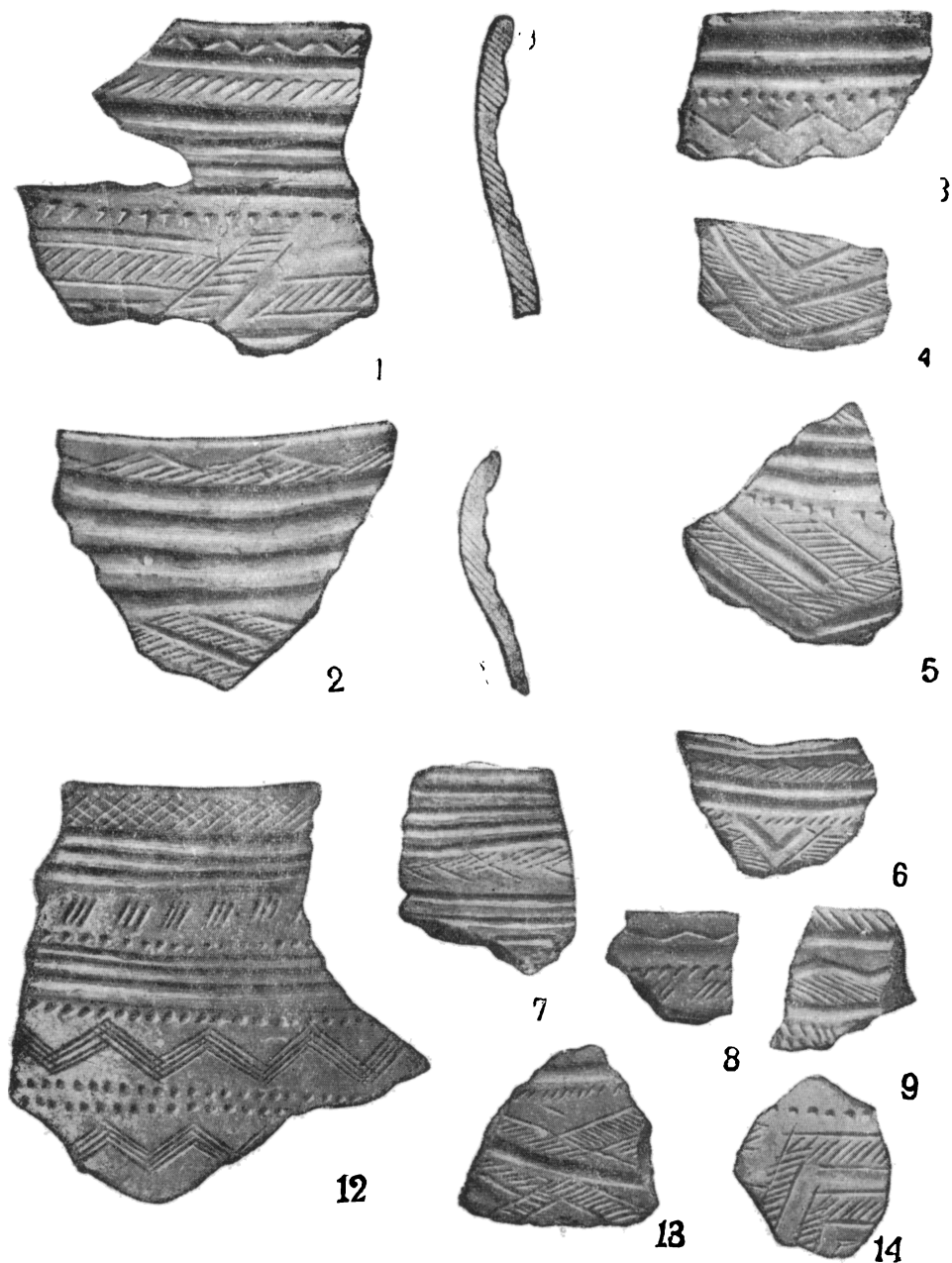

Рис. 3. Керамика Черкаскульского типа. 1—11—селище Черкаскуль II, 12—14—селище на оз. Березовом.

мента и 10 черепков украшены алакульским узором. Остальные фрагменты — типично черкаскульские.

В небольшой коллекции со стоянки Третья пашня на левом берегу р. Синары (Свердловский музей, сборы В. Я. Толмачева) только несколько черепков имеют федоровский орнамент, прочие относятся к черкаскульскому типу.

На озере Кривом, близ с. Огневского Багарякского района Челябинской области, расположено поселение того же типа: 80 черепков относятся к черкаскульским сосудам и только несколько обломков — к межовским (Свердловский музей, сборы В. Я. Толмачева).

Черкаскульская керамика характерна для среднего слоя селища на озере Березовом в Покровском районе Свердловской области (Сальников, 1951).

Керамика черкаскульского и межовского типов собрана в 1959 году на р. Малевке, близ восточного берега Исетского озера.

Ближе к черкаскульской, нежели к андроновской, сосуды с селища Новая III на реке Исети, выше г. Свердловска (Берс, 1958, таблица IV). Находки черкаскульской керамики известны на стоянках по берегам озер Иткуль и Чебаркуль в Челябинской области.

Несмотря на явное различие, нельзя отрицать, что черкаскульская керамика близка к посуде федоровского типа андроновской культуры и, очевидно, должна датироваться тем же временем.

Межовский тип керамики. На ряде поселений выявлен особый тип керамики, характеризующийся наличием валиков на горле сосудов. Валиковая керамика богато представлена наравне с черкаскульской на поселении Черкаскуль II, но залегает выше черкаскульской. На позднюю дагу валиковой керамики указывает и характер ее орнаментации.

Памятником, где валиковая керамика представлена почти в чистом виде, является селище Межовка на реке Багаряк в северной части Челябинской области, исследованное нами в 1953 г. По этому памятнику и называем третий, выделенный нами, тип керамики.

Самой оригинальной чертой межовской керамики являются валики разной степени выпуклости (рис. 4, 5). Часто валики так высоко подняты к краю, что получается воротничек (рис. 4 — 3, 8, 11, 13). В большинстве случаев валики и воротнички выделяются незначительно. Помимо валиков сосуды украшены отрисками гребенки, гладкого штампа или резьбой. Орнамент состоит из весьма скромных элементов.

Преимущественно в него входят елочка (рис. 4—2, 3, 5; 5—6) и ромбическая сетка, образованная перекрещивающимися линиями (рис. 4—1, 4, 6, 11, 13; 5—4, 6), реже — зигзаг (рис. 4—11; 5—3, 6) и ряды наклонных отрисков (рис. 4—3; 5—1—3) или насечек. В редких случаях удается установить характер орнамента на плечиках сосудов этой группы. И на плечиках он столь же скромен: ни меандров, ни геометрических фигур. Иногда плечики сосудов имеют большую выпуклость по сравнению с сосудами федоровского и черкаскульского типов, хо-

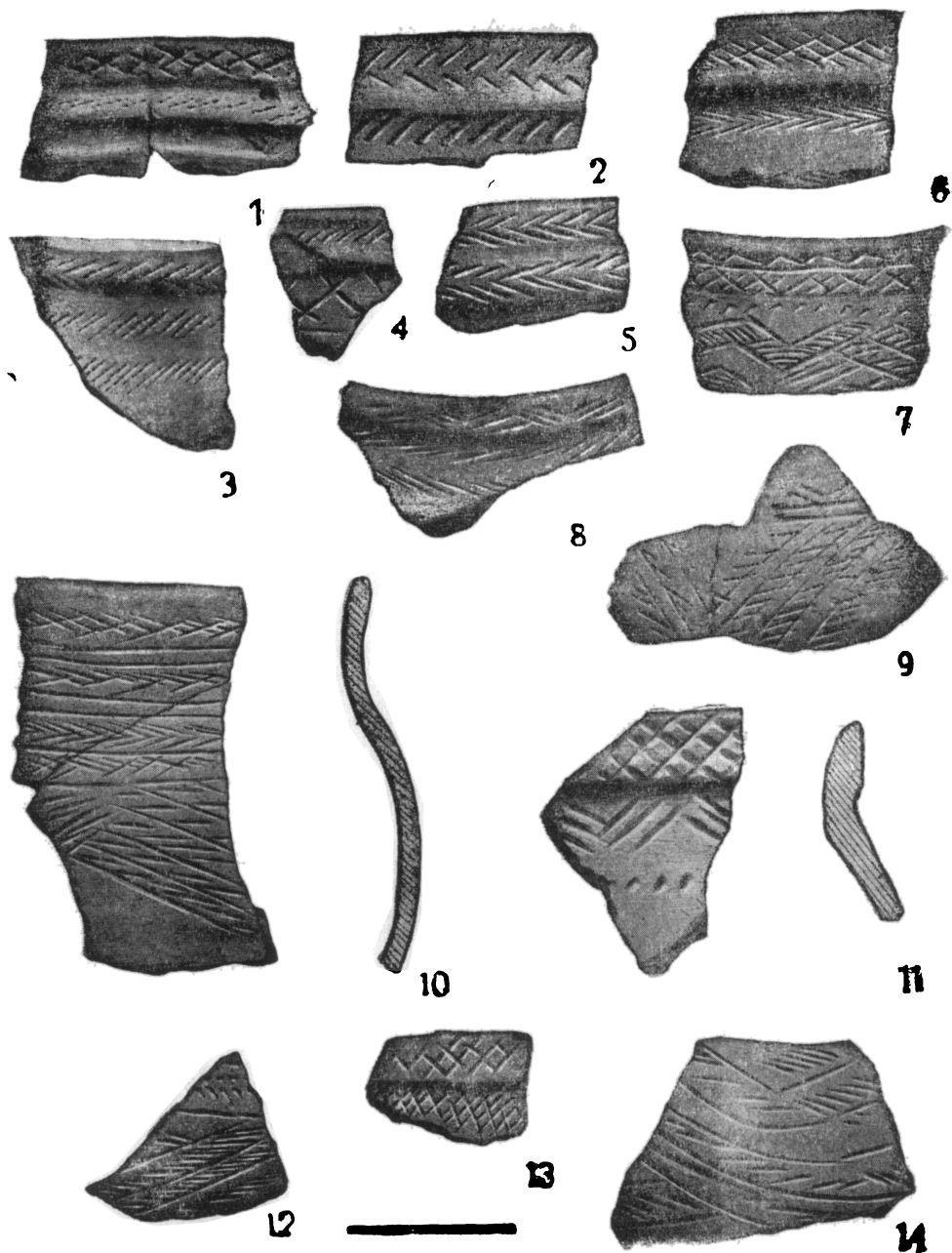

Рис. 4. Керамика межовского типа. Селище Черкасуль II.

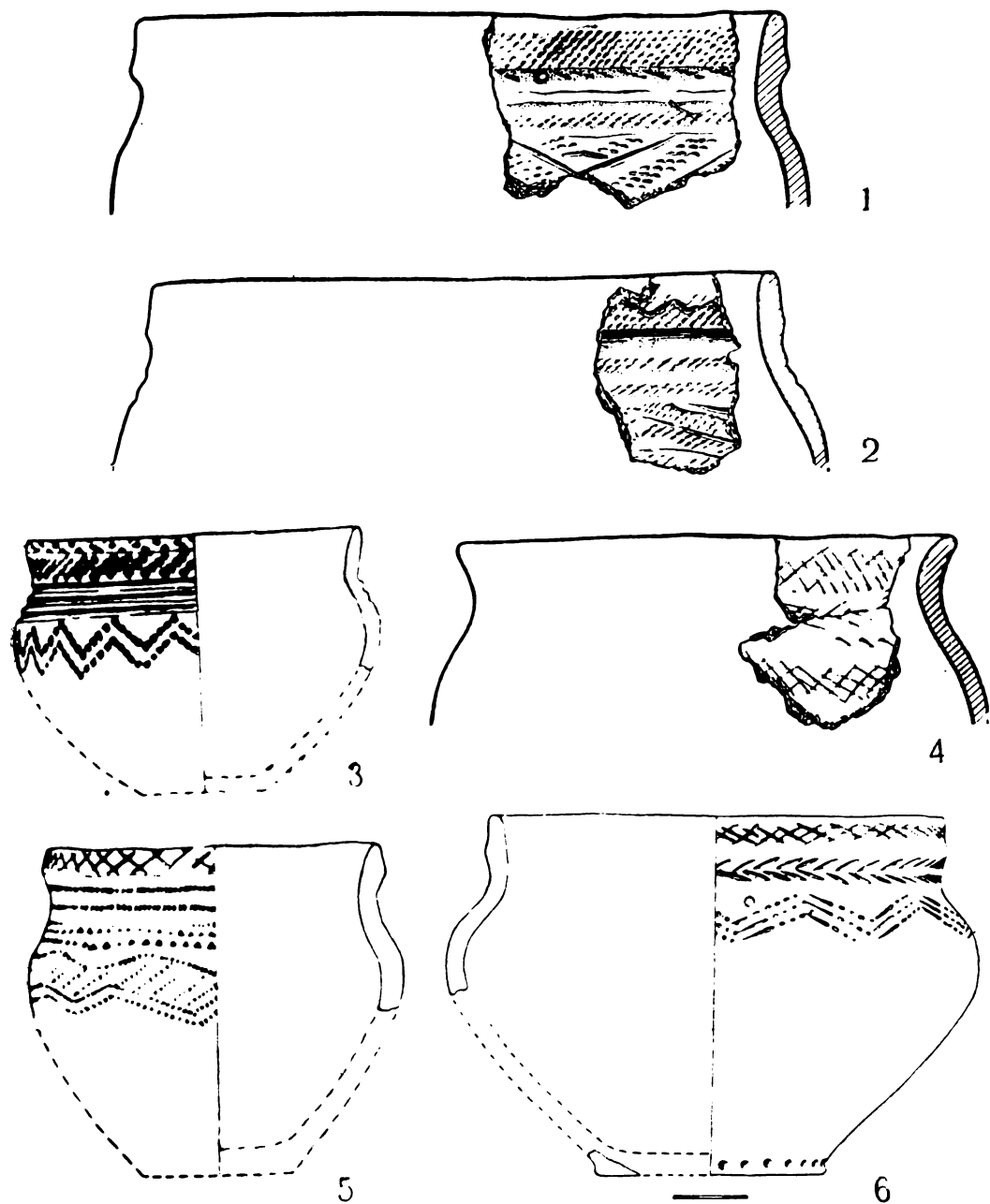

Рис. 5. Сосуды (реконструкция) межовского типа, 1—2—поселение Коптяки II; 3, 5—селище на оз. Березовом; 4—селище Межовское; 6—селище Черкаскуль II.

тя горшечная форма сохраняется. К этой же группе следует отнести и те сосуды, которые хотя и не имеют на горле валиков и воротничков, но орнамент на них характеризуется грубой ромбической сеткой (рис. 4—7; 5—4), грубой елочкой (рис. 5—6). На плечиках таких сосудов нередко заштрихованные резные полосы, которые составляют не меандры, как на черкаскульских сосудах, а лишь 1—2—3 ряда зигзагов, как бы упрощенный, «выродившийся» меандр (рис. 4—7, 9, 10). Иногда ряды таких зигзагов даже не разделены интервалами (рис. 4—10, 12; 5—1, 2).

Кроме Межовского селища и второго хронологического слоя на поселении Черкаскуль II, межовская керамика характеризует еще ряд памятников: Колпаковское селище на окраине одноименного села на берегу р. Багаряка (Свердловский музей, сборы В. Я. Толмачева), селище Лужки на р. Исети, ниже г. Каменск-Уральского (Стоколос, 1957, стр. 293). Подавляющее количество керамики на этом памятнике относится к межовскому типу. Лишь отдельные фрагменты покрыты черкаскульским орнаментом. Типична межовская керамика для поселений: Коптяки 3 на Исетском озере (коллекции Свердловского музея) и на р. Малевке, на озере Иткуль. Встречается она и на селище Коптяки 2, на котором преобладает более поздняя посуда.

Межовский тип керамики возник позднее черкаскульского. К такому заключению приводит и характер орнамента, и форма сосудов, имеющая тенденцию к расширению плечиков, к округлению профиля. Зигзаги из заштрихованных полос являются, очевидно, отзвуком меандров. Грубая ромбическая сетка происходит от тщательно выполненной сетки, нанесенной гребенчатым штампом, которая встречается на черкаскульской керамике. Статистический подсчет фрагментов по глубинам залегания на селище Черкаскуль II подтверждает указанную последовательность (см. таблицу).

Т а б л и ц а распределения керамики по горизонтали на селище Черкаскуль II

Типы керамики	Второй горизонт		Третий горизонт		Четвертый горизонт		Всего	
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
Черкаскульский	29	29,9	45	46,4	23	23,7	97	100
Межовский	33	60,0	20	36,4	2	3,6	55	100

Березовский тип керамики. Четвертый тип керамики, встречающийся на памятниках эпохи бронзы в лесном Зауралье, можно назвать березовским. Впервые керамика этого типа была обнаружена на озере Березовом в Покровском районе Свердловской области. Здесь на многослойном поселении типологически были выделены три слоя: энеолитический, черкаскульский и березовский (Сальников,

1951). Последний представлен сосудами с выпуклыми плечиками, орнаментированными, главным образом, рядами насечек. Фрагменты сосудов березовского типа, в отличие от других, найденных на этом памятнике, обращают на себя внимание своими крупными размерами. Встречаются черепки равные половине сосуда. Очевидно — это посуда последнего этапа жизни на селище. Она меньше подверглась разрушению.

На Березовском селище одноименная керамика выделена типологически, хотя ее более поздняя дата, по сравнению с черкаскульской, устанавливается до некоторой степени и стратиграфически (Сальников, 1951, стр. 129).

Но существуют и однослойные памятники с керамикой этого типа. Таковы поселения на Исетском озере — Коптяки 1 и Коптяки 2 (коллекция Свердловского музея). Оба памятника исследовались в 90-х годах прошлого столетия Н. А. Рыжниковым и О. Е. Клером (Берс, 1951, стр. 207). В состав коллекции с первого памятника входит 709 обломков керамики березовского типа. На втором поселении среди 582 обломков керамики лишь небольшая часть принадлежит сосудам коптяковского и межовского типов, остальные фрагменты — березовские.

Для березовского типа керамики характерны сосуды с невысокими вертикальными или несколько отогнутыми горлами, на которых нередко имеется валик или утолщение венчика в виде воротничка. Плечики сильно выпуклы, благодаря чему, несмотря на плоское дно, форма тулова приближается к бомбовидной. Впрочем не исключена и круглодонность некоторых сосудов (рис. 6).

Орнамент все больше упрощается и обедняется. Самым типичным элементом его являются насечки. Иногда украшение сосуда ограничивается несколькими рядами насечек (рис. 6—7, 9), в других случаях насечки дополняются зигзагами (рис. 6—3, 5) или елочкой (рис. 6—1, 8). Встречаются грубые заштрихованные ромбы и заштрихованные полосы (рис. 6—6), часто без интервалов — межовского типа (рис. 6—4, 8). Последние два элемента указывают на генетическую связь с посудой предыдущего этапа. Орнамент наносился путем нарезки острием. В единичных случаях, наравне с резными узорами по горлу, отсискивались пояски, веревочки (рис. 6—4). Гребенчатый штамп перестал употребляться.

Наконец, надо упомянуть еще о двух элементах орнамента, которые продолжают существовать и за пределами бронзового века. Это — наклонные колонки из горизонтальных насечек, «привешенные» снизу к орнаментальной зоне (рис. 6—7, 9) и поясok из чередующихся групп горизонтальных и наклонных нарезок (рис. 6—2).

Оба последних элемента известны на сосудах иткульской культуры эпохи раннего железа (Сальников, 1962), некоторые типы посуды которой близки по форме березовским сосудам.

Из изложенного видно, что, с одной стороны, березовская керамика обнаруживает генетическую зависимость от посуды предыдущего—

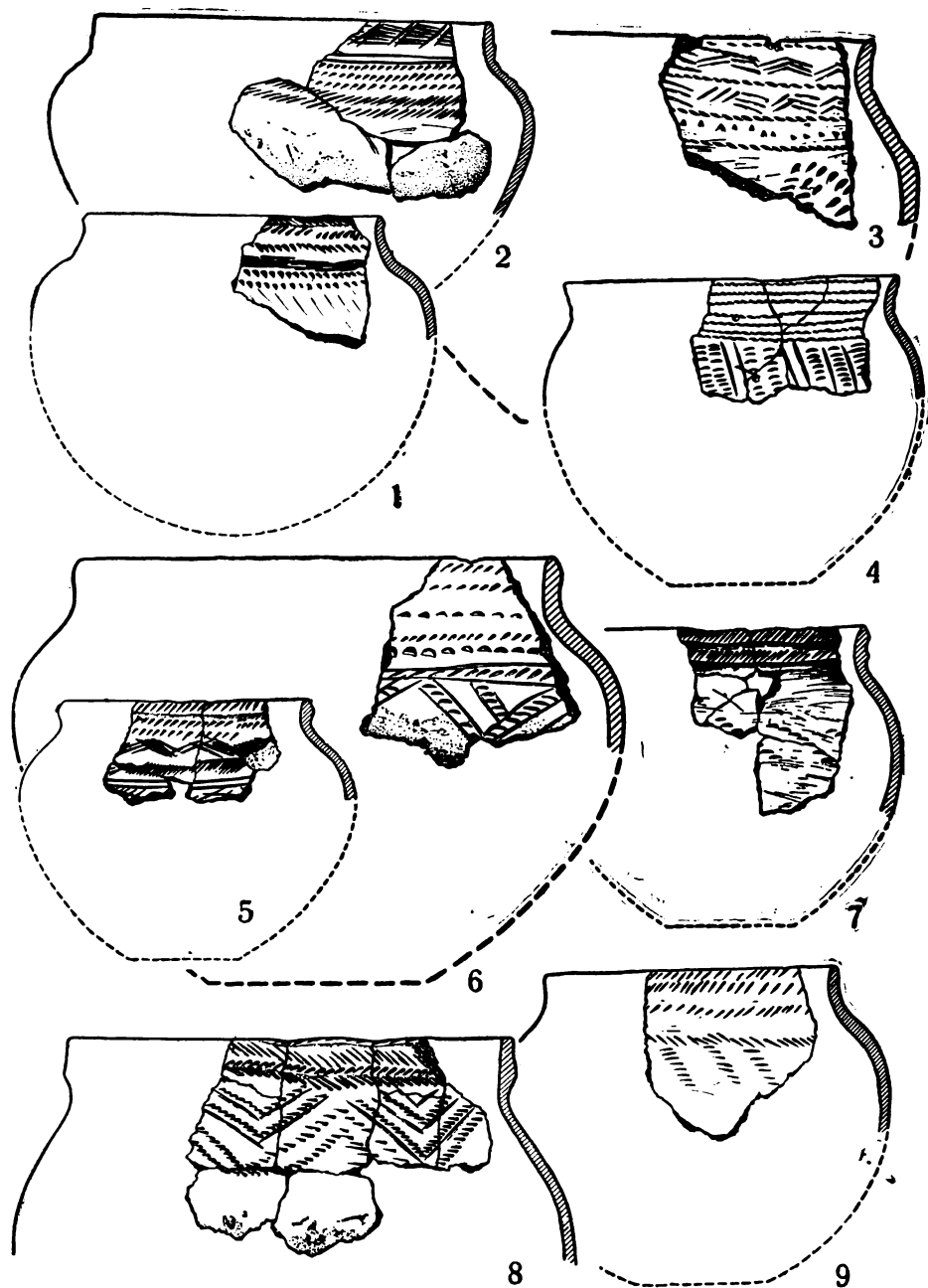

Рис. 6. Сосуды (реконструкция) березовского типа. 1, 3, 6 — селище на оз. Березовом; 2, 4, 9—поселение Коптяки I; 5, 7, 8—поселение Коптяки II.

межовского этапа, а с другой — она сама повлияла, очевидно, на сложение форм и орнамента сосудов иткульской культуры. Все это заставляет рассматривать березовский этап как заключительный в развитии бронзового века южной полосы лесного Зауралья.

* * *

Выше было сказано, что в лесном Зауралье — на юге Свердловской и севере Челябинской области — на территории, которая рассматривается как место обитания во II тысячелетии до н. э. племен горбуновской культуры, обнаруживаются, помимо горбуновской, еще четыре типа керамики. Они датируются тем же временем, но генетически не связаны с горбуновской, а скорее родственны посуде андроновских племен. На тех памятниках, где такая керамика представляет собою небольшую примесь к основной (горбуновской), ее можно принять (как это обычно и делается) за доказательство влияния или проникновения культуры с соседней андроновской территории степного Зауралья. Но имеются однослойные памятники с андронидной керамикой или такие, где последняя дополняется совершенно незначительным количеством горбуновских фрагментов, что позволяет и эти памятники рассматривать как андронидные.

Соседство поселений, имеющих андронидную керамику, с синхронными памятниками среднего и позднего этапов горбуновской культуры, что особенно ярко проявляется на берегах Исетского озера и в верховьях р. Исети, неизбежно ставит вопрос о причине такого казалось бы сосуществования.

Прежде чем рассмотреть характер взаимоотношений этих двух групп памятников, нужно установить, каковы связи между описанными выше типами андронидной керамики.

Черкаскульский, межовский и березовский типы несомненно представляют собою генетический комплекс.

Вряд ли может вызвать возражение синхронность черкаскульской посуды с федоровским этапом андроновской культуры. Межовский тип керамики, развивающийся из черкаскульского, вероятно, следует датировать примерно последней четвертью II тысячелетия до н. э. Намечающаяся генетическая зависимость березовского типа керамики, с одной стороны, от межовского, а с другой — близость к посуде иткульской культуры раннежелезного века, позволяет отнести время существования березовского типа к началу I тысячелетия до н. э.

Отмеченная генетическая последовательность развития трех типов керамики позволяет объединить памятники, для которых эта посуда является характерной, в особую культуру эпохи бронзы лесного Зауралья — черкаскульскую, с тремя этапами развития: черкаскульским, межовским и березовским.

Несколько особняком стоит коптяковский тип керамики, в орнаменте которого больше элементов от местной энеолитической (горбуновской) посуды, чем от андроновской. Это позволяет ставить ее, во времени, ра-

нее черкаскульской. С другой стороны, генетической связи между этими двумя типами не улавливается, и даже намечается некоторое территориальное различие. Находки коптяковской керамики все сосредоточены в районе Свердловска. Исключение составляет селище Черкаскуль II, на котором найдена небольшая примесь коптяковских фрагментов. Памятники же черкаскульской культуры, в особенности ее раннего этапа, известны главным образом в южных районах — на территории Челябинской области. Очевидно, сложение коптяковской и черкаскульской керамики происходило на разных территориях, но, может быть, приблизительно в одно время — около середины II тысячелетия до н. э.

Черкаскульская культура отличается от андроновской не только по керамике. Племена этих двух культур, по всей видимости, имели совершенно разные погребальные обряды.

Нам совсем неизвестны погребения ни с черкаскульской, ни с межовской керамикой и вообще погребения эпохи бронзы за пределами расселения собственно андроновских племен. На черкаскульской территории продолжает существовать тот же обряд погребения, что и у горбуновских племен, т. е. тот способ, который не оставил археологически улавливаемых следов.

Объяснять отсутствие погребений плохой изученностью территории нельзя. Курганы заходят с юга на описываемую территорию, но, как правило, это или одиночные, или маленькие группы в 3—5 насыпей, в то время как рядом, несколько южнее, на андроновской территории и федоровские, и алакульские могильники насчитывают десятки насыпей.

Немногие раскопки курганов на северо-западе Челябинской области давали погребения сарматского типа. В 1916 году жителями села Багаряк был раскопан курган, содержащий каменное блюдо на ножках савроматского типа. Исследования Н. П. Кипарисовой в 1953 г. одиночного кургана у р. Исток, близ оз. Иткуль, привели к вскрытию разграбленного погребения с трехгранными бронзовыми наконечниками стрел и сосудом, близким к посуде городища Чудаки.

Действительно ли сосуществовали в лесном Зауралье памятники, с одной стороны, горбуновской, с другой — черкаскульской культуры и коптяковского типа?

Нам представляется, что можно поставить вопрос о широком пересмотре датировки памятников в районе Свердловска, относимых В. М. Раушенбах к поздней стадии горбуновской культуры, а некоторых и к средней стадии. Дата ряда памятников явно занижена из-за наличия сосудов с андроновскими элементами в орнаментации, а также керамики, которую принесли «новые племена, знакомые с обработкой железа» (Раушенбах, 1956, стр. 65; каменогорская культура — К. С.). Странность сочетания этих поздних видов посуды с керамикой ранней, украшенной орнаментом, нанесенным отступающей палочкой и резной волной, отмечалась тем же исследователем, но объяснялась пережиточностью в районе Свердловска ранних форм керамики в памятниках позднего этапа (Раушенбах, 1956, стр. 65).

Нам, кажется, что отмеченная «странность» объясняется многослойностью памятников этой категории, которую было трудно уловить, когда изучение велось по коллекциям старых сборов. Характеризуя памятники позднего этапа горбуновской культуры, В. М. Раушенбах постоянно принуждена отмечать разновременность материала каждой стоянки: Лосиног острова, Разбойничьего острова, 2-го Карасьего озера, Аннина острова, Палкинской стоянки (Раушенбах, 1956, стр. 53—64), но прямого вывода о многослойности из этого не делает.

Новые исследования определеннее доказывают многослойность памятников Свердловского района. Ряд разновременных наслоений установлен на поселении Нижняя Макуша (Берс, 1961). Основные слои стоянок на островах Аннином и Разбойничьем, отнесенные ранее к позднему этапу, теперь датируются: первая — временем не позднее середины II тысячелетия до н. э., а вторая — ранним этапом (Раушенбах, 1962, стр. 28—29). Вместе с тем, нельзя отрицать наличия на этих памятниках поздней керамики, которая свидетельствует о повторных заселениях этих пунктов в конце II—начале I тысячелетия до н. э.

Новые материалы позволяют поставить вопрос о смене культуры населения в Свердловском районе не в начале I тысячелетия до н. э., как это рисовалось до сих пор (Раушенбах, 1956, стр. 66; Кипарисова, 1960, стр. 22), а в третьей четверти II тысячелетия до н. э. Уже в это время мы видим здесь такие памятники, как Коптяки 5, соответствующий слой на Нижней Макуше, несколько более поздние поселения — Новая III, Коптяки 1 и 2. Перечисленные памятники никак нельзя отнести к горбуновской культуре. Каково же их происхождение?

При решении этого вопроса нужно учитывать сочетание в андронидной керамике элементов степной андроновской культуры и местной горбуновской. Это могло произойти в результате слияния пришлой с юга андроновской культуры с культурой абorigенов (Кипарисова, 1960, стр. 24) или андронидная керамика и коптяковского, и черкаскульского типа возникла на месте, в процессе развития горбуновской посуды. Тогда и местные элементы в андронидной керамике объясняются ее происхождением. Нам представляется более вероятным второе объяснение. Проблема эта требует серьезной специальной разработки с привлечением новых полевых, стратиграфических наблюдений. Она в равной мере касается как коптяковской и черкаскульской, так и сузгунской, томской, ирменской и других культур эпохи бронзы зоны леса и северной лесостепи. Но, исходя уже из имеющихся данных, можно согласиться с мнением В. И. Мошинской, что близость керамики лесных культур эпохи бронзы Зауралья с андроновской нельзя объяснить влиянием андроновской культуры (Мошинская, 1957, стр. 134).

Родственность культур эпохи неолита и Энеолита на огромной территории урало-казахстанской культурно-исторической общности, охватывающей не только степь, лесостепь, но и лесную полосу, закономерно должна была приводить к формированию в эпоху бронзы ряда родственных культур: андроновской, сузгунской, томской, черкаскульской. Теми же причинами, по нашему мнению, объясняется и формиро-

вание керамики коптыковского типа, на которой особенно ярко проявляется генетическая зависимость от местной культуры предшествующего времени.

В свете изложенного можно считать, что в районе Свердловск—Исетское озеро и южнее горбуновская культура с характерными для нее чертами не доживает до железного века, а сменяется в третьей четверти II тысячелетия до н. э. генетически с нею связанной черкаскульской или коптыковско-черкаскульской культурой. Поселения этого района: Разбойничий остров, 2-е Карасье озеро, Палкино, Пашня Комарова II, верхний слой Шанахи, считавшиеся памятниками позднего этапа горбуновской культуры, по всей видимости, являются двухслойными. Ранний материал в них отложился на раннем или среднем этапе, а позднейшие наслоения образовались независимо от раннего слоя, в результате вторичного обитания в этих пунктах каменогорских племен. В отношении некоторых из этих памятников такое предположение высказано и В. М. Раушенбах (1962, стр. 29).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Бадер О. Н. 1947. Новые раскопки близ г. Нижнего Тагила в 1944 г. КС ИИМК, XVI.
- Берс Е. М. 1951. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей. МИА, № 21.
- Берс Е. М. 1954. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.
- Берс Е. М. 1958. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. Сб. Вопросы истории Урала, Свердловск.
- Берс Е. М., 1961. Археологические памятники на острове Макуша. Сб. Вопросы истории Урала, Свердловск.
- Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Дмитриев П. А. 1951. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21.
- Кипарисова Н. П. 1960. О культурах лесного Зауралья. СА, № 2.
- Мошинская В. И. 1957. Сузун II — памятник эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири. МИА, № 58.
- Раушенбах В. М. 1952. Керамика шигирской культуры. КС ИИМК, 43.
- Раушенбах В. М. 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, вып. 29.
- Раушенбах В. М. 1962. К вопросу о датировках некоторых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. Тезисы докладов. Уфа.
- Сальников К. В. 1951. Раскопки на оз. Березовом. КС ИИМК, 36.
- Сальников К. В. 1952. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21.
- Сальников К. В. 1962. Иткульская культура. Сб. Краеведческие записки. Челябинск.
- Стоколос В. С. 1957. Заметка о раскопках Каменск-Уральского музея. СА, № 4.
- Эдинг Д. Н. 1940. Резная скульптура Урала. М.